Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/EETQNE
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

О ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ОСНОВЕ ОЧЕРКА А. БЛОКА «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ»

© 2023 г. А.С. Александров
*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*
Дата поступления статьи: 21 марта 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 11 мая 2023 г.
Дата публикации: 25 декабря 2023 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-324-343

Аннотация: Настоящая работа посвящена вопросам, связанным с комментированием первой главы очерка «Последние дни императорской власти» — «Состояние власти». Во вступлении кратко обозначены основные этапы работы А. Блока в Чрезвычайной следственной комиссии «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств». В работе представлен анализ отдельных портретов представителей власти, выведенных в первой главе: отмечены источники скрытых и прямых цитат. Характеристики из «Последних дней...» сопоставлены с портретными зарисовками Блока из его записных книжек, дневников, а также конспектов, написанных по материалам протоколов допросов бывших представителей царской власти. В статье представлены в том числе неизвестные архивные материалы из Рукописного отдела Пушкинского Дома.
Ключевые слова: А.А. Блок, Чрезвычайная следственная комиссия, революция, очерк, служебная деятельность.
Информация об авторе: Александр Сергеевич Александров — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8611-6490
E-mail: aspiros.83@mail.ru
Для цитирования: *Александров А.С.* О документальной основе очерка А. Блока «Последние дни императорской власти» // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 4. С. 324–343. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-324-343

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 4, 2023

ON THE DOCUMENTAL BASIS OF A. BLOK'S ESSAY "POSLEDNIE DNI IMPERATORSKOI VLASTI" ("THE LAST DAYS OF IMPERIAL POWER")

© 2023. Alexandr S. Alexandrov
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
Received: March 21, 2023
Approved after reviewing: May 11, 2023
Date of publication: December 25, 2023

Abstract: This work is devoted to issues related to commenting on the first chapter of the essay "The Last Days of Imperial Power" — "The State of Power." The introduction briefly outlines the main stages of Block's work in the Extraordinary Investigative Commission "to investigate the illegal actions of former ministers, chief executives and other senior officials of both civil and military and naval departments." The paper presents an analysis of individual portraits of government officials, derived in the first chapter, and notes the sources of hidden and direct quotations. Characteristics from "The Last Days..." are compared with Blok's portrait sketches from his notebooks, diaries and notes based on the protocols of interrogations of former representatives of the tsarist government. The article also presents unknown archival materials from the Manuscript Department of the Pushkin House.
Keywords: A.A. Blok, Extraordinary Commission of Inquiry, February Revolution, essay, official activity.
Information about the author: Alexandr S. Alexandrov, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8611-6490
E-mail: aspiros.83@mail.ru
For citation: Alexandrov, A.S. "On the Documental Basis of A. Blok's Essay 'Poslednie dni Imperatorskoi vlasti' ('The Last Days of Imperial Power')." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 324–343. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-324-343

Настоящая статья посвящена проблемам, актуализированным в последние годы в целом ряде работ, относящихся к комментированию очерка А. Блока «Последние дни императорской власти» [1, с. 64–86; 3; 4]. Анализ материалов, в том числе новонайденных архивных источников, выявленных в ходе подготовки очерка для Полного академического собрания сочинений и писем А. Блока, позволяет сделать ряд важных дополнений, относящихся непосредственно к комментированию этого произведения.

История создания очерка обстоятельно изучена в работах литературоведов и историков разных поколений [1, с. 76–85; 2; 3]. Кратко отметим, что «Последние дни императорской власти» — результат работы Блока в Чрезвычайной (первоначально — Верховной) следственной комиссии (далее — *ЧСК*), образованной сразу же после Февральской революции распоряжением Временного правительства от 4 марта 1917 г. «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств» [12]. Согласно положению о комиссии, опубликованному 12 марта 1917 г., результатом ее деятельности должен был стать отчет Учредительному собранию: «Акты окончательного расследования комиссия представляет со своим письменным о дальнейшем направлении дела заключением генерал-прокурору, для доклада Временному Правительству» [13].

В составлении Отчета, помимо Блока, должны были принять участие П.С. Тагер, Е.В. Тарле, Е.Д. Кускова, Е.Я. Черномордик, П.Е. Щеголев, М.П. Неведомский, Д.Д. Гримм, Н.И. Идельсон, И.М. Громогласов. Блоку изначально было поручено составление главы о последнем министре внутренних дел А.Д. Протопопове, позже — глава «Последние дни царского

режима». После Октябрьской революции Комиссия прекратила свою работу, а очерк Блока, опубликованный изначально в виде статьи в журнале «Былое» (1920. № 15) [7] под заглавием «Последние дни старого режима», а затем вышедший отдельным изданием в издательстве «Алконост» (1921) [8], — единственная работа, основанная «на подлинных документах <…> собранных учрежденной Временным Правительством Чрезвычайной Комиссией для расследования противозаконных по должности действий бывших министров» [8, с. 6], увидевшая свет.

Параллельно с подготовкой Отчета в ходе работы *ЧСК* была выдвинута идея об издании стенографических протоколов допросов. Всего было произведено 88 опросов, допрошено 59 лиц. Большинство стенографических отчетов было опубликовано в семитомном издании под общим заглавием «Падение царского режима» под редакцией П.Е. Щеголева [16].

Отметим, что статус редактора в данном случае соответствует современному понятию в книгоиздании «составитель» или «публикатор» и не релевантен редактору, т. е. лицу, проверяющему, исправляющему текст, проводящему унификацию написаний и библиографического аппарата. Всей редакторской работой по унификации стенографических отчетов руководил Блок, а в редактировании протоколов участвовали М. Миклашевский, Ф. Червинский, Л. и С. Гуревич, М. Бабенчиков, Н. Идельсон, П. Тагер, Е.П. Иванов, В. Княжнин-Ивойлов, А. Кублицкая-Пиоттух. Как правило, редактирование стенографических отчетов, порученное родным и друзьям Блока, согласно записным книжкам и сохранившимся в архиве Блока таблицам[1], в которых указаны редакторы и секретари допросов, происходило в соавторстве с поэтом. Щеголев же, по его собственным уверениям, вошел в состав *ЧСК* «со времени учреждения особой комиссии по расследованию деятельности департамента полиции <…> на правах члена <…> особой комиссии» [16, т. I, с. VIII]. В редактировании протоколов, согласно документальным данным, он участия не принимал. Его редакторская работа в семитомном издании стенографических отчетов главным образом заключалась в написании вступительной статьи, составлении указателей, хронологическом расположении материалов и реконструкции нескольких протоколов по сохранившимся стенограммам. Как он отметил в преамбу-

1 См.: РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 26. Л. 14, 14 об., 17, 19.

ле: «К сожалению, в моем распоряжении не оказалось нескольких допросов в отредактированном тексте, и в этих случаях пришлось восстанавливать текст по первоначальным стенографическим записям» [16, т. I, с. VIII].

В этом отношении в высшей степени справедливо замечание Е.В. Ивановой, отметившей, что «Щеголев, по существу, издал труд, под которым могла бы стоять подпись <...> Блока, потому что именно Блоку мы обязаны тем, что стенограммы допросов были приведены в надлежащий вид» [1, с. 65]. Справедливости ради отметим, что вклад Блока и редакционной комиссии Щеголев отметил во вступительной статье к публикации протоколов: «Допросы всех этих лиц воспроизводятся полностью в настоящем издании по стенографическим записям, сделанным в комиссии. Стенограммы поступали в редакторскую коллегию и здесь тщательно исправлялись. Главным редактором стенографических отчетов был покойный поэт А.А. Блок, и деятельное участие в редактировании принимали М.П. Миклашевский и Л.Я. Гуревич» [16, т. I, с. XXIV].

Стенографические протоколы допросов частично имелись в распоряжении Блока в виде машинописных отредактированных экземпляров, а также в виде конспектов и выписок. Всего в архиве Блока сохранилось свыше 40 конспектов, каждый из которых представляет собой пересказы, дословные цитаты допросов, сопровожденные в ряде случаев личными оценками Блока, а также портретными характеристиками допрашиваемых[2]. Все эти материалы, вкупе с документами и записями из дневников и записных книжек, стали тем фактическим фундаментом, на основе которого впоследствии были составлены «Последние дни императорской власти».

Первая глава очерка — «Состояние власти» — представляет собой череду характеристик и портретов лиц бывших руководителей страны, а также их приближенных, — это портреты царя, царицы и их ближнего круга; представителей различных политических кружков, оказывавших влияние на политику верховной власти, характеристики членов правительства (Штюрмер, Трепов и Голицын). Заканчивается первая глава развернутой оценкой личности и действий последнего министра внутренних дел А.Д. Протопопова.

Такое авторское решение — представить состояние власти через череду портретов высших должностных лиц — было вполне закономерным.

2 Публикация этих материалов будет впервые предпринята в 10 томе готовящегося в настоящий момент Полного академического собрания сочинений и писем поэта.

Практически сразу после поступления в Чрезвычайную следственную комиссию Блок активно включился в работу по редактированию стенографических протоколов допросов бывших царских министров, одновременно председатель *ЧСК* Николай Константинович Муравьев привлек его к написанию намеченного Отчета. В письме к матери от 26 мая 1917 г. Блок сообщал: «Я приму участие в составлении отчета, т. е., мне будет поручено написать какую-нибудь часть. Муравьев предлагает характеристики всех» [18, с. 368][3].

Отметим, что в ходе работы *ЧСК* проект Отчета претерпевал изменения, члены комиссии предлагали несколько вариантов содержания и структуры отчета. Однако в разных версиях проектировавшегося аналитического документа всегда особое место отводилось характеристике носителей верховной власти и представителей исполнительной власти. Например, в проекте отчета, составленного П.С. Тагером, портреты царя, его окружения и министров должны были составить первые главы: «Носители Верховной власти», «Безответственные силы, их влияние на носителей верховной власти», «Ответственные лица (министры и т. д.)». В плане Е.В. Тарле характеристики высших должностных лиц были выделены в отдельные главы VII–XIII: «Протопопов», «Штюрмер», «Маклаков», «Горемыкин», «Макаров», «Крыжановский», «Щегловитов и Добровольский». В еще одном проекте отчета *ЧСК,* сохранившемся среди материалов редакционной комиссии (по содержанию это расширенный вариант проекта Е.В. Тарле), добавлены некоторые имена: А.Н. Хвостов, С.П. Белецкий, В.Н. Войков, А.А. Вырубова, В.Б. Фредерикс. Здесь же указано, что доклад об этих лицах должен войти в третью часть отчета в виде «сжатых очерков и характеристик» [8, с. 406].

Помимо служебных целеустановок, с самого своего поступления на службу в записных книжках, дневнике, а также письмах к родным (в первую очередь к матери) Блок фиксирует свои личные впечатления, выразившиеся в том числе в виде отдельных характеристик и портретов бывших министров, на допросах которых Блок присутствовал лично. Несколько

3 Само совещание состоялось 25 мая, см. следующую запись: «Утром в Зимн<ем> Дв<орце> обсуждали мы составление отчета о деят<ельности> Комиссии (предварит<ельное> совещание)» (*ЗК*$_{49}$, л. 31).
Здесь и далее Записные книжки Блока мы цитируем по первоисточнику с указанием принятого в ПССиП условного сокращения и листа единицы хранения при цитате (*ЗК*$_{49}$ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 360; *ЗК*$_{50}$ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 361; *ЗК*$_{52}$ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 362; *ЗК*$_{56}$ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 364).

портретов (примеры приведены ниже) и характеристик имеются в конспектах-выписках Блока, сделанных по материалам стенографических протоколов допросов.

Первым допросом, доставшимся Блоку для редактирования, был протокол допроса Николая Алексеевича Маклакова, бывшего министра внутренних дел (16 декабря 1912 – 5 июня 1915), члена правой группы Государственного совета, активного участника право-монархического движения[4]. Его дознание состоялось 1 мая 1917 г. в канцелярии Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. В записной книжке 11 мая Блок зафиксировал окончание работы по редактированию протокола, а также отметил: «Ок<оло> 6 ½ часов работа над Маклаковым (кончено). Конспект для себя» (*ЗК*$_{49}$, л. 14). Портрет бывшего министра дан в записной книжке Блока, в присутствии которого состоялся допрос 14 июня 1917 г. в Петропавловской крепости: «Маклаков (2-ой допрос, дополнит<ельный>). Маклаков подстригся, седеющая бородка, жидкий голос, какой-то акцент — немного давленый. Пенснэ. Бледный, желтоватый. Глаза черные, острые. Моложавый. “Иронический человек”. Шея толстая. <...> Новый синий пиджак. Очень красные губы под усами. <...> Краснеют глаза под пенснэ. Тонкий прямой нос. Умный лоб у Маклакова. <...> Когда читают его письмо, он смотрит выше, слушает. <...> У Макл<акова> взгляд острый, голос вкрадчивый, он очень умеет себя держать» (*ЗК*$_{52}$, л. 42 об.).

Первый же развернутый портрет, зафиксированный Блоком в записной книжке, — портрет Степана Петровича Белецкого (с 21 февраля 1912 г. по 28 января 1914 г. — директор Департамента полиции, тайный советник (1914), товарищ министра внутренних дел (с 28 сентября 1915 г. по 13 февраля 1916 г.), с 13 февраля 1916 г. — Иркутский генерал-губернатор). С 12 по 19 мая Белецкий был допрошен четыре раза, на всех допросах Блок присутствовал лично. Краткий конспект всех четырех допросов сделан в *ЗК*$_{50}$, здесь же сохранились портретные зарисовки: «Передо мной Белецкий, умный дир<ектор> деп<артамента> полиции, недавний, на чьей совести есть преступления <...>. Культуры никакой в Белецком нет. Короткие пальцы,

4 Арестован 1 марта, под конвоем доставлен в Таврический дворец, затем содержался в Петропавловской крепости. Расстрелян по решению ВЧК вместе с И.Г. Щегловитовым, С.П. Белецким, А.Н. Хвостовым в Петровском парке в Москве 5 сентября 1918 г. [14, с. 238–239]. Информация о расстреле была опубликована и зафиксирована Блоком в записной книжке: «Расстреляны Маклаков и Протопопов» (*ЗК*$_{56}$, л. 130).

[жесткие] желтые руки и лицо маслянистое, сильная седина, на затылке черные волосы. Очень // "чувствителен" — посмотришь на его руку, он ее прячет в карман, ногу убрать старается. Острый черный взгляд припухших глаз. Нос пипкой. "Мужичок" <...>. Себе на уме» (*ЗК*$_{50}$, л. 4 об.).

Оценка записям Блока дана в работе Г.З. Иоффе, в которой отмечено: «Ни в одном историческом труде нельзя найти более объемных, выпуклых, реально зримых психологических портретов тех, кто олицетворял рухнувший царский режим, чем в письмах, записных книжках и дневниках Блока» [2, с. 180].

Помимо объемных детализированных портретов, Блок в записных книжках фиксировал отдельные крайне важные детали, касавшиеся допрашиваемых. По этим записям отчетливо удается проследить, на чем Блок фокусировал свое внимание: особенности внешности [о С.П. Белецком: «глаза <...> узкие, точно в них стоит слеза, такой блеск» (*ЗК*$_{50}$, л. 14)], языка [Фредерикс: «благороднейший говор и манеры <...> пленителен — старые времена» (*ЗК*$_{52}$, л. 18)], психологических особенностях [А.Д. Протопопов: «Плохо // орьентируется!» (*ЗК*$_{50}$, л. 52)] и т. д.

Не случайно в докладной записке председателю *ЧСК* по поводу издания стенографических отчетов Блок отметил: «...Материал, добываемый путем допросов, оказывается неожиданно ярким с точки зрения бытовой, психологической, литературной, даже — с точки зрения языка» [10, с. 229]. Однако уникальные записи из Записных книжек не стали фактической основой для написания очерка. Из этих личных записей в работу Блок включил лишь отдельные детали.

В «Последних днях императорской власти» Блок — в первую очередь историк, опирающийся на факты и документы. Основным источником очерка стали стенографические протоколы допросов, материалы которых в виде прямых и скрытых цитат составили основную ткань повествования «Последних дней императорской власти». В ходе сопоставления текста первой главы с протоколами допросов удалось установить текстуальные совпадения с содержанием как минимум 35 протоколов в виде скрытых и прямых цитат, пересказов и реплик допрашиваемых, неточных цитат.

Уже по первой характеристике — Николая II — в полной мере можно проследить творческий метод Блока в составлении портретов представителей власти в «Последних днях императорской власти».

«Последние дни императорской власти»	**«Падение царского режима»**
Император Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившийся ко всему, изверившийся в людях, задерганный и осторожный на словах, был уже «сам себе не хозяин» [10, с. 189].	Из «Записки о верховной власти» А.Д. Протопопова: «Государь — умный и расположенный делать добро, **нервный**, **упрямый**[5] и переменчивый, очень **изверившийся в людях**. Нелюбимый придворными, которые его боялись: “равнодушно устранит человека, которого недавно ласкал” (характеристика Распутина). Он оставался вещателем власти до конца. Мнительно относился к этому своему праву; не любил, когда чувствовал, что уступает другому» [16, т. 4, с. 9].
	Запись из дневника генерала Д.Н. Дубенского от 2 марта1917 г., зачитанная в ходе допроса от 9 августа 1917 г.: «Слабый, **безвольный**, но хороший и чистый человек, он погиб из-за императрицы, ее безумного увлечения Григорием, — Россия не могла простить этого, создавала протесты, превратившиеся в переворот» [16, т. 6, с. 409].
	Слова генерала Д.Н. Дубенского из протокола допроса от 9 августа 1917 г.: «Дать вам определенный ответ не только я не могу, но я думаю, будут писать об этом многие психологи, и им трудно будет узнать; а вывести, что это равнодушный человек — будет неверно, но сомнение мы выражаем, и вы и я: тут возможна выдержка, или холодное **равнодушие ко всему**, и к событиям» [16, т. 6, с. 394].
	Из протокола допроса А.Д. Протопопова от 14 июня 1917 г.: «Он был очень мил, любезен. Но про дела никогда не говорил сам. Он скажет: “Да”, “Так”, “Я думаю”. Но он ужасно каждое слово берег. Он очень **был осторожный на словах человек**, очень осторожный» [16, т. 5, с. 244].
	Из показаний П.Н. Милюкова от 7 августа 1917 г.: «Он производил впечатление человека **задерганного**, который перестал понимать, что нужно делать, чтобы найти выход из положения» [16, т. 6, с. 357].
	Из показаний А.И. Гучкова от 2 августа 1917 г.: «…Я убедился, что позади государя стоит иная воля и иные влияния, и он **сам себе не хозяин**. <…> Чувствовалось, что он не господин положения» [16, т. 6, с. 293].

В одном предложении при составлении портрета царя в виде скрытых и прямых цитат Блок использует шесть источников — это сведения из письменных показаний А.Д. Протопопова, его «Записки о верховной власти», воспроизводит также реплику из протокола допроса от 14 июня 1917 г.; приводит фразу из показаний генерала свиты и придворного историографа

5 Здесь и далее все выделения в цитатах полужирным шрифтом принадлежат нам. — *А.А.*

Д.Н. Дубенского от 9 августа 1917 г., а также цитирует запись из его дневника, оказавшегося в распоряжении *ЧСК*[6]; включает в этот портрет реплики из показаний П.Н. Милюкова от 7 августа 1917 г. и А.И. Гучкова от 2 августа 1917 г.

Интересно структурное построение этой характеристики: репликам Протопопова Блок противопоставляет (при помощи союза «но») высказывания генерала Дубенского. Фраза «притупившийся ко всему» — это, по всей видимости, отредактированный вариант высказывания Дубенского, о психологическом состоянии царя, обходившего своих подчиненных после отречения. В ходе допроса, вспоминая этот роковой момент русской истории, Дубенский подбирал подходящее слово и колебался в определении эмоций Николая II, определяя их как «выдержку» или «холодное равнодушие ко всему». По-видимому, колебания Дубенского в выборе подходящего слова для определения душевного состояния царя подвигли Блока подобрать более тонкое слово «притупившийся», звучащее не столь резко, как «равнодушие».

Подобным же образом составлен портрет Александры Федоровны, для характеристики императрицы Блок отбирает реплики из показаний А.Н. Хвостова от 18 марта 1917 г., «Записки о верховной власти» А.Д. Протопопова, А.Н. Наумова от 4 апреля 1917 г. и Д.Н. Дубенского от 9 августа 1917 г. (см. подробнее: [4, с. 120–123]).

Отметим, что портрет царя и царицы составлен Блоком полностью по репликам и суждениям людей из их личного окружения. И в этом плане ламентации и обвинения в адрес поэта о несправедливых оценках, все громче раздающиеся в рядах представителей правых взглядов, оказываются полностью несостоятельными (см.: [5, с. 566–583]).

Следующий портрет в очерке — краткая характеристика Анны Александровны Вырубовой (в девичестве Танеевой), фрейлины, ближайшей подруги императрицы Александры Федоровны. Она была арестована после февральского переворота 22 марта в Царском селе, под конвоем доставлена в Таврический дворец, в тот же день была заключена в камеру № 70 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Допрос *ЧСК* состоялся накануне поступления Блока на службу — 6 мая 1917 г. В *ЗК*$_{49}$ 8 мая Блок отметил, что попросил у Муравьева дать ему на редактирование стенографический протокол допроса бывшей фрейлины, а 18 мая зафиксировал завершение

6 Многочисленные выписки из дневника Д.Н. Дубенского сохранились в архиве Блока: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 37.

работы над протоколом, правда, судя по записям в записных книжках, снова возвращался к его редактированию. В архиве Блока сохранился краткий конспект[7], сделанный по материалам стенографического протокола допроса, где также сохранилась отметка о работе над протоколом: «Мной редактировался 14 и 16 мая (30 стр<аниц> стенограф<ического> отчета)». Здесь же сделан портрет Вырубовой, частично и с неточностями воспроизведенный в восьмитомном собрании сочинений [10, с. 446–447].

Приведем эту записи полностью, без купюр:

> В показаниях Вырубовой нет ни одного слова правды, хотя она сама, даже перед собой, убеждена, что она сказала много правды, что она лгала только там, где нельзя узнать (Распутина нет на свете) или там, где это может быть нужно для ее любимого знакомого семейства. Как ужасно самое существование таких женщин: она столь же отвратительна, сколь очаровательна; но переведя это на язык будущего, на честный язык демократии, опоясанной бурей, надо сказать: как же очаровательность может соединяться с отвратительностью? Вырубова была только отвратительна.
>
> ———
>
> Я допросил бы Вырубову еще раз. Мож<ет> быть, за эти дни она надумала что-нибудь и скажет больше. А может быть, она так изолгалась с детства, что никак не надумает; нечем думать.
>
> ———
>
> 32 года. Родилась в 1884, 16-ти лет держала экзамен на дом<ашнюю> учительницу, в 1904 стала фрейлиной большого двора, в 1907 вышла замуж, в 1908, в конце развелась с мужем, который уехал лечиться в Швейц<арию> в психиатрич<ескую> лечебницу.
>
> Она считает себя православной, твердо считает. Как<ая> же интересная комбинация, если она действит<ельно>, как говорят, жила с Николаем II[8].

Очевидно, эта запись сделана в мае в период редактирования протокола Вырубовой. В первые месяцы работы в *ЧСК*, в мае – июне 1917 г.

7 <Выписки из протокола допроса А.А. Вырубовой от 6 мая 1917 г.> // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 6. Л. 7–12.

8 <Выписки из протокола допроса А.А. Вырубовой от 6 мая 1917 г.> // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 6. Л. 8–10.

Блок, еще окрыленный Февральской революцией, находившийся под влиянием непроверенных слухов, оставлял в своих личных документах немало записей негативного и даже крайне неприязненного характера о представителях старой власти и их ближнего круга. О настрое Блока в это время красноречиво вспоминал М.В. Бабенчиков, один из редакторов стенограмм; литератор отмечал в своей книге, как поэт «укорял» его за «недопустимую словесную “мягкость” по отношению к “жертвам” старого режима» и добавлял: «Его приговоры порою были резки до — *цинизма* в характеристике отдельных лиц, и *богохульны* в религиозном отношении» [6, с. 53].

Однако с течением времени отношение Блока к узникам Петропавловской крепости в некоторой степени изменилось. Не случайно к воспроизведенному выше портрету Вырубовой была сделана приписка, по-видимому, относящая уже к послеоктябрьскому времени: «Когда я это писал, *еще была* революция»[9].

Портрет Вырубовой в «Последних днях императорской власти» не содержит резких и личных оценок; он составлен Блоком по цитатам из «Записки о верховной власти» А.Д. Протопопова и показаний самой Вырубовой.

Все же неоднократно зафиксированная Блоком в записях нечестность и неискренность фрейлины при даче показаний (см. также запись от 21 мая 1917 г.: «Вспомни // Вырубову, она врет по-детски» (*ЗК*$_{49}$, л. 24)) нашли своеобразное отражение в очерке.

Так, при написании портрета Распутина, составленного в том числе из письменных показаний А.Д. Протопопова и реплик, произнесенных в ходе допросов В.Б. Фредерикса (2 июня 1917 г.), М.С. Комиссарова (4 мая 1917 г.), генерала Дубенского (9 августа 1917 г.), С.П. Белецкого (20 июля 1917 г.), А.Н. Хвостова (18 марта 1917 г.), И.Ф. Манасевича-Мануйлова[10], Блок обращался к показаниям Вырубовой, но, по-видимому, сознательно изменил смысл ее слов на противоположный, ср.:

9 <Выписки из протокола допроса А.А. Вырубовой от 6 мая 1917 г.> // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 6. Л. 9.

10 На анализе портрета Распутина мы детально не останавливаемся, так как он подробно рассмотрен в статье М.Л. Спивак: [8, с. 124–126].

«Последние дни императорской власти»	**«Падение царского режима» Допрос Вырубовой от 6 мая 1917 г.**
«…жизнь его <Распутина. — *А.А.*> протекала **в исключительной** атмосфере **истерического поклонения**…» [10, с. 190].	На вопрос Председателя *ЧСК*: «Он <Распутин. — *А.А.*> представлял для вас исключительный интерес?» — Вырубова ответила: «Нет, безусловно, **исключительный**, нет» [16, т. 3, с. 237]. Ср. также реплику в ходе допроса: «Конечно, я интересовалась им <Распутиным. — *А.А.*>, потому что он был интересен, но **истерического какого-нибудь поклонения, — этого не было**. Конечно, я никогда не была против него» [16, т. 3, с. 237].

Обратимся к характеристикам двух председателей Совета министров Российской империи, представленных в «Последних днях императорской власти», — Штюрмера и Голицына.

Борис Владимирович Штюрмер был председателем Совета министров с 20 января 1916 г. по 10 ноября 1916 г. Арестован 28 февраля 1917 г., 1 марта заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости[11].

Штюрмер трижды был допрошен *ЧСК*: 22 марта (стенографический протокол допроса см.: [16, т. 1, с. 221–230]); 31 марта [16, т. 1, с. 231–292] и 14 июня 1917 г. [16, т. 5, с. 159–189].

Все три протокола допроса редактировал М.П. Миклашевский. Блок присутствовал только на последнем допросе 14 июня 1917 г. В *ЗК*$_{52}$ сохранилась яркая характеристика подсудимого, сделанная в ходе допроса: «Штюрмера ввели, он покрутил усы и посмотрел сразу остро, потом — взгляд побледнел и потускнел; иногда опять остреет. Руки породистые. Голос дребезжит. <…> Взгляд делается иногда злым. Он себя виноватым не считает. Считает себя недальновидным и т<ому> п<одобное>, но не виноватым. <…> Он сморкается, вытаскивая очень грязный платок и распуская его. <…> Скучный

11 По воспоминаниям следователя *ЧСК* А.Ф. Романова, члены комиссии настаивали на освобождении Штюрмера, испытывавшего большие проблемы со здоровьем: «Когда мы решили настоять на освобождении Б.В. Штюрмера, то Керенский, прослышав об этом, прибежал в Комиссию и уверял, что освобождение произведет тяжелое впечатление на “широкие массы” и “может взорвать правительство”» [18, с. 10]. В августе 1917 г. состояние здоровья Штюрмера ухудшилось. И.И. Манухин, врач, наблюдавший подследственных, вспоминал: «В эти дни смертельно заболел Б.В. Штюрмер. Состояние его (уремия) было таково, что всякому человеку его обреченность была очевидна. Однако даже в этом случае два дня ушло на переговоры и уговоры, прежде чем Б.В. Штюрмера удалось увезти в больницу» [15, с. 101]. Штюрмер скончался 20 августа 1917 г. в тюремной больнице при «Крестах». О его смерти см. запись в дневнике Блока от 21 августа 1917 г.

Штюрмер, чиновник он. **Хитрый**, тоже скучно» (*ЗК*$_{52}$, л. 39). См. также запись в дневнике от 14 июня 1917 г.*:* «Весь день в крепости (допрос Штюрмера и Маклакова)» [11, с. 262]. Отклик о допросе сохранился в письме к матери от 15 июня 1917 г.: «Эти дни у меня было несколько интересных разговоров и интересный допрос Маклакова (и неинтересный — Штюрмера, несмотря даже на пикантные подробности; до такой степени этот господин — пустое место» [18, с. 376–377]. В «Последних днях...» Блок верен своему творческому методу в составлении портрета Штюрмера опирается исключительно на свидетельствах бывших представителей власти (см. таблицу ниже).

«Последние дни императорской власти»	«Падение царского режима»
Штюрмер имел **весьма величавый и хладнокровный** вид и сам аттестовал свои руки, как, **«крепкие руки в бархатных перчатках»**. На деле, он был только **«футляром»**, в котором скрывался <u>хитрый обыватель,</u> **делавший все «под шумок»**, с **«канцелярскими уловками»**; это была игрушка в руках Манасевича-Мануйлова, **«старикашка на веревочке»**, как выразился о нем однажды Распутин, которому случалось и прикрикнуть на беспамятного, **одержимого старческим склерозом** и торопившегося, как бы только сбыть с рук дело, премьера [10, с. 194].	Со слов А.Н. Наумова. Из протокола его допроса от 8 апреля 1917 г.: «Штюрмер всегда имел такой **величавый хладнокровный вид**!» [16, т. 1, с. 404]. Высказывание С.П. Белецкого, см. протокол допроса от 21 июня 1917 г.: «Я этими руками своими, **крепкими**, **в бархатных перчатках**, сумею сжать общественное настроение» [16, т. 5, с. 262]. Характеристика Штюрмера, данная А.Н. Наумовым. Из протокола допроса от 8 апреля 1917 г.: «Он представлял из себя какой-то ходячий церемониал: ни один мускул не движется... Говоришь ему что-нибудь — и будто видишь перед собой какой-то **футляр**» [16, т. 1, с. 414]. Характеристика Штюрмера из протокола допроса А.Н. Наумова от 4 апреля 1917 г. Ср.: «У Штюрмера была манера делать все как-то **под шумок**» [16, т. 1, с. 350]. Мнение Н.Н. Покровского. См. его показания от 30 июня 1917 г.: «В сущности — канцелярская хитрость, **канцелярская уловка**, ни к чему не ведущая» [16, т. 5, с. 340]. Характеристика Штюрмера, данная Распутиным, со слов Манасевича-Мануйлова, см. протокол допроса от 10 апреля 1917 г.: «Он не повинуется мамаше, стал сам прыгать <...>. Он, **старикашка**, должен ходить на **веревочке**, а если это не так будет, то ему шея будет сломана» [16, т. 2, с. 49]. Блок солидаризируется с мнением Н.Н. Покровского о Штюрмере, см. его показания от 30 июня 1917 г.: «...на меня он всегда производил впечатление человека ограниченного и, что называется, находящегося уже в состоянии **старческого склероза** [16, т. 5, с. 339].

Одна из характеристик бывшего премьер-министра представляет отдельный интерес — это «хитрый обыватель». Истоки этого выражения восходят к протоколу допроса Б.В. Штюрмера от 14 июня 1917 г., в ходе которого председатель допроса сделал замечание бывшему премьеру: «Вы изволите сейчас говорить обывательским языком. Вам, как обывателю, кажется, что это было бы другое, если бы было ответственное министерство, — мне бы хотелось говорить языком юридическим и государственным» [16, т. 5, с. 171]. Блок присутствовал лично на этом допросе и обратил внимание на этот диалог, зафиксировал его: «Хорошо сказал председатель: “Вы говорите обывательским языком. Мне бы хотелось говорить языком государств<енным> и юридическим”» (*ЗК*$_{52}$, л. 40). В выписках Блока, сделанных по материалам протоколов допросов Б.В. Штюрмера, сохранилась примечательная запись Блока: «Да, если министров можно охарактеризовать одним словом, то Штюрмера приходится назвать: “*обыватель*”»[12]. Отметим также, что в докладной записке в *ЧСК* от 13 октября 1917 г., в которой Блок представил свои воззрения на «издание избранных стенографически допросов», по поводу возможного издания одного из допросов Б.В. Штюрмера, поэт отметил: «В издание может быть включен один из допросов (второй или третий) *Штюрмера* как яркий пример **обывательских** воззрений старого правительства» [8, с. 291]. Таким образом, выражение «хитрый обыватель» является контаминацией личных взглядов Блока и высказываний Председателя *ЧСК* Муравьева, при этом для поэта данная характеристика была в отношении бывшего премьер-министра, судя по всему, определяющей.

Отметим, что Блок не единожды солидаризируется с мнением председателя *ЧСК* при составлении портретов и характеристик. Так, например, одно из определений, использованных Блоком при составлении портрета Ивана Федоровича Манасевича-Мануйлова, журналиста, агента охранного отделения, чиновника особых поручений Департамента полиции, восходит к реплике Муравьева, зафиксированной в Записной книжке поэта (см. таблицу). Эта запись появилась в ходе обхода камер Трубецкого бастиона 17 мая 1917 г.

12 <Выписки по материалам допросов Б.В. Штюрмера> // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 23. Л. 1–4.

«Последние дни императорской власти»	***ЗК$_{50}$:***
«Манасевич-Мануйлов, ловкий и **умный журналист**...» [10, с. 192].	«Омерзительный, малорослый, бритый; “**журналист**” — из нововременской пивной. “**Умный**”, — говорит Муравьев» (Л. 56).

Обратимся к анализу одной из черт в портрете князя Н.Д. Голицына, последнего председателя Совета министров Российской империи (27 декабря 1916 – 27 февраля 1917). Голицын был арестован 3 марта 1917 г., 4 марта заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, 13 марта по распоряжению *ЧСК* вместе с И.Л. Горемыкиным освобожден. Был допрошен 21 апреля 1917 г. в Зимнем дворце.

В «Последних днях императорской власти» о Голицине среди прочего сказано, что это был «старый аристократ, брезгливо называвший народ “чернью”» [10, с. 194]. Стиль и графическое оформление (кавычки) свидетельствуют, что выражение почерпнуто Блоком из протокола допроса бывшего премьера. Однако в итоговом протоколе, опубликованном во втором томе семитомного издания стенографических отчетов, подобного выражения нет. Оно не встречается и среди других проколов допросов. Высказывание нашлось в конспекте, составленном Блоком по материалам стенографического допроса Голицина; выписки были сделаны, по-видимому, в конце июня 1917 г., см. запись в дневнике: «Выписки из Голицына и Герасимова» [11, с. 268]. В самом начале конспекта сделана запись: «“Когда *чернь* волновалась в городе, я скрывался”. Председатель: “Будем говорить — народ”»[13]. Эти слова относятся к самому началу допроса Голицына, когда председатель *ЧСК* интересовался обстоятельствами ареста князя. Однако в итоговом протоколе этот диалог был снят. Причина этого кроется в инструкциях и установках, которые были выработаны в редакционном отделе *ЧСК*. В архиве Блока сохранилась справка, составленная Ф. Червинским от 27 апреля 1917 г., в которой говорится об определенных предписаниях для редакторов, и в частности сказано, что «стенографическая запись должна вылиться в форму стенографического отчета, по возможности сжатого, без длиннот», лишних диалогов «между лицом, предлагающим вопросы и свидетелем»,

13 <Выписки из протокола кн. Н.Д. Голицына от 21 апреля 1917 г.> // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 7. Л. 1.

где будут устранены «нехарактерные дефекты языка лиц, не являющихся прирожденными ораторами»[14].

В конце первой главы очерка приводится развернутый портрет Протопопова: как отметил поэт, «последнему министру внутренних дел Протопопову суждено было занять исключительное место в правительственной среде», а «роль его настолько велика, что на его характеристике следует остановиться подробней» [10, с. 197]. Портрет Протопопова составлен по многочисленным цитатам из целого ряда протоколов допросов, автохарактеристик и собственно Блоковских рассуждений[15]. Детальный анализ материалов, легших в основу характеристики Протопопова, будет предпринят нами в отдельном исследовании.

В заключение отметим, что все рассмотренные в настоящей статье примеры еще раз свидетельствуют о том, что Блок в очерке «Последние дни императорской власти» в первую очередь историк, документалист и составитель. В написании ярких характеристик бывших представителей власти Блок опирается в первую на обширный корпус допросов, осуществленных в рамках работы в Чрезвычайной следственной комиссии.

14 *Червинский Ф.* К вопросу о редактировании стенограмм: Справка от 27 апреля 1917 г. // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 26. Л. 2–2 об.

15 <Выписки по материалам допросов и письменных записок А.Д. Протопопова> // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 16. Л. 1–33.

Список литературы

Исследования

1 *Иванова Е.В.* Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.; М.: Росток, 2012. 608 с.

2 *Иоффе Г.З.* А. Блок — историк крушения царизма // История и историки: историографический ежегодник 1979 / отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1982. С. 176–194.

3 *Перегудова З.И.* Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // *Блок А.А.* Последние дни императорской власти / сост. З.И. Перегудова, С.С. Лесневский; коммент. З.И. Перегудовой, О.А. Поливанова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. С. 298–365.

4 *Спивак М.* К вопросу об источниках характеристик в «Последних днях императорской власти» А.А. Блока: «Царь, императрица, Вырубова, Распутин» и «недружный... Совет министров» // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 113–129.

5 *Фомин С.В.* Наказание правдой: Григорий Распутин: Расследование. М.: Форум, 2007. 736 с.

Источники

6 *Бабенчиков М.* Ал. Блок и Россия. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 92 с.

7 *Блок А.А.* Последние дни императорской власти / по неизданным документам составил Александр Блок. Пб.: Алконост, 1921. 168 с.

8 *Блок А.А.* Последние дни императорской власти / сост. З.И. Перегудова, С.С. Лесневский; коммент. З.И. Перегудовой, О.А. Поливанова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. 624 с.

9 *Блок А.А.* Последние дни старого режима // Былое. 1920. № 15. С. 3–50.

10 *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 6: Проза. 1918–1921 / подгот. текста Д.Е. Максимова, Г.А. Шабельской; примеч. Г.А. Шабельской. 556 с.

11 *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 7: Автобиография. 1915; Дневники. 1901–1921 / подгот. текста и примеч. В.Н. Орлова. 544 с.

12 Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта. № 1. С. 2.

13 Вестник Временного правительства. 1917. 12 марта. № 7. С. 1.

14 *Кобяков С.А.* Красный суд: Впечатления защитника в революционных трибуналах // Современные записки. 1921. Кн. VIII. С. 238–239.

15 *Манухин И.И.* Воспоминания о 1917–18 гг. // Новый журнал. 1958. № 54. С. 97–117.

16 Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. / ред. П.Е. Щеголева. Л.: Гос. изд-во, 1924–1927.

17 Письма Александра Блока к родным: в 2 т. / предисл. и примеч. М.А. Бекетовой. Л.: Academia, 1932. Т. 2. 542 с.

18 *Романов А.Ф.* Император Николай II и Его Правительство: (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 1–38.

References

1 Ivanova, E.V. *Aleksandr Blok: Poslednie gody zhizni* [*Alexander Blok: The Last Years of His Life*]. St. Petersburg, Moscow, Rostok Publ., 2012. 608 p. (In Russ.)

2 Ioffe, G. Z. “A. Blok — istorik krusheniia tsarizma” [“A. Blok as a Historian of the Collapse of Tsarism”]. Nechkina, M.V., editor. *Istoriia i istoriki: istoriograficheskii ezhegodnik 1979* [*History and Historians: Historiographic Yearbook 1979*]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 176–194. (In Russ.)

3 Peregudova, Z.I. “Chrezvychainaia sledstvennaia komissiia dlia rassledovaniia protivozakonnykh po dolzhnosti deistvii byvshikh ministrov i prochikh vysshikh dolzhnostnykh lits i Aleksandr Blok” [“Extraordinary Commission of Inquiry to Investigate the Illegal Actions of Former Ministers and Other Senior Officials and Alexander Blok”]. Blok, A.A. *Poslednie dni imperatorskoi vlasti* [*The Last Days of Imperial Power*], comp. Z.I. Peregudova, S.S. Lesnevskii, comm. by Z.I. Peregudova, O.A. Polivanov. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2012, pp. 298–365. (In Russ.)

4 Spivak, M. “K voprosu ob istochnikakh kharakteristik v ‘Poslednikh dniakh imperatorskoi vlasti’ A.A. Bloka: ‘Tsar’, imperatritsa, Vyrubova, Rasputin’ i ‘nedruzhnyi... Sovet ministrov’.” [“On the Question of the Sources of Characteristics in ‘The Last Days of Imperial Power’ by A.A. Blok: ‘Tsar, Empress, Vyrubova, Rasputin’ and ‘Unfriendly... Council of Ministers’.”]. Polonsky, V.V., editor. *Perelom 1917 goda: Revoliutsionnyi kontekst russkoi literatury. Issledovaniia i materialy* [*Turning Point of 1917: The Revolutionary Context of Russian Literature. Research and Materials*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 113–129. (In Russ.)

5 Fomin, S.V. *Nakazanie pravdoi: Grigorii Rasputin: Rassledovanie* [*Punishment with the Truth: Grigory Rasputin: Investigation*]. Moscow, Forum Publ., 2007. 736 p. (In Russ.)